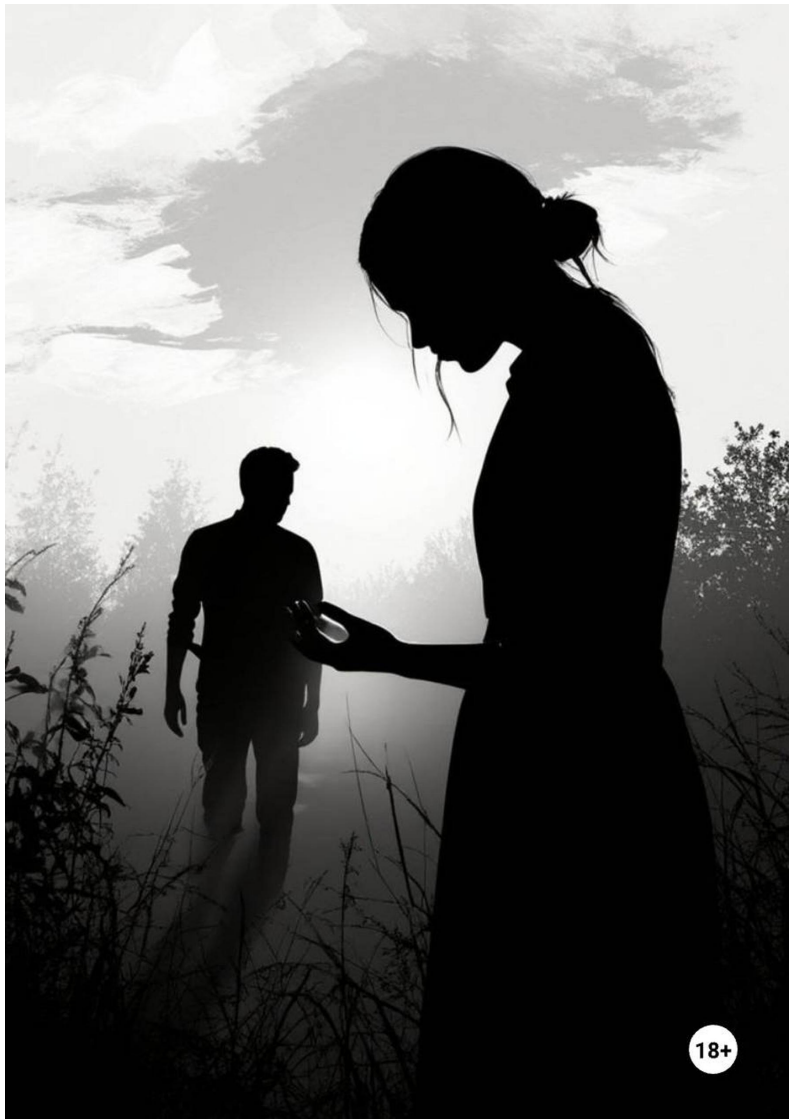

Елена К.

Шёпот за стеной

<https://litres.ru/74428193>

SelfPub; 2026

Аннотация

Илья и Лидия — двое, кто идёт туда, куда другие боятся смотреть. Заброшенная больница, где время застыло на 23:58. Мельница, которая мелет не зерно, а чужую вину. Топь, зовущая по имени. Церковь, что поёт не гимны. Чёрная знахарка, собирающая чужие страхи в печи. Идол, забирающий годы жизни за одно желание. Чёрт, который питается не кровью, а тихим ужасом в углу.

Каждая история — отдельный кошмар. Каждый герой — обычный человек, который оказался на грани между миром живых и тем, что прячется в тенях. Но Илья и Лидия не сражаются мечами. Их оружие — честное «это моё, и я не отдам».

Но самое страшное ждёт не в заброшенных домах и тёмных лесах. А там, где вы меньше всего готовы это увидеть.

Содержание

Все главы.	4
Глава 1. Цена, которая слишком хороша	4
Глава 2. Первый шёпот	9
Глава 3. Тень на стене	14
Глава 4. Сосед с фонариком и папка с пометкой «Не трогать»	16
Глава 5. Папка	19
Глава 6. Медиум и цена вопроса	22
Глава 7. Чердак, где время ходит по кругу	24
Глава 8. Комната, которая помнит всё	31
Глава 9. Тот день	33
Глава 10. Загадка	37
Глава 11. Зеркала	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Шёпот за стеной

Все главы.

Глава 1. Цена, которая слишком хороша

Илья Воронов ненавидел слово «везение». Для него оно звучало как предупреждение: где-то рядом уже притаилась проблема, и она только ждёт момента, чтобы ударить по затылку со всей силы. Поэтому, когда риелтор Марина в третий раз повторила: «Цена буквально смешная», Илья напрягся так, будто услышал сирену пожарной тревоги прямо над ухом.

— Смешная, — сухо повторил он, глядя на фото дома на экране ноутбука, и машинально потёр переносицу, как делал всегда, когда ему пытались что-то впарить под видом подарка судьбы. — Это значит, что там либо фундамент плывёт, либо соседи — секта, либо в подвале кто-то умер и запах до сих пор не выветрился.

Марина рассмеялась так легко, будто не продавала недвижимость, а раздавала конфеты на детском утреннике. Её улыбка была из тех, что специально тренируют перед зерка-

лом: широкая, но не настолько, чтобы показать все зубы, и достаточно искренняя, чтобы покупатель не чувствовал себя идиотом.

— Ни то, ни другое, ни третье, — заверила она, чуть наклонив голову. — Дом просто долго стоял пустым. Владелец умер, наследники не хотели возиться. Вот и скинули цену.

Илья посмотрел на фото ещё раз. Дом был старый, но крепкий: тёмно-серая обшивка, высокие окна, веранда, которая выглядела так, будто на ней до сих пор можно пить чай и смотреть на закат. В груди что-то дрогнуло — не от восторга, а от странного узнавания, будто он уже видел этот дом. Хотя точно знал, что не мог. Он никогда не бывал в этом районе. Да и вообще редко выбирался за пределы центра, где всё было предсказуемо: светофоры, кофейни, люди в одинаковых пальто.

— Ладно, — буркнул Илья. — Поедем смотреть. Но если там в подвале сидит чучело с горящими глазами, я разворачиваюсь и ухожу. И никаких «ну давайте хотя бы осмотрим чердак».

Марина снова улыбнулась, на этот раз чуть шире, будто ей нравился этот его скепсис — как будто он был доказательством того, что она имеет дело с серьёзным покупателем, а не с мечтателем, который купит дом по картинке.

— Договорились, — сказала она. — Никаких чердаков без вашего согласия.

Путь до дома занял почти час. Город постепенно сдавал

позиции, уступая место пригородам, где дома стояли реже, а деревья росли гуще. Улица, на которой стоял дом, выглядела так, будто её специально спрятали от остального мира: деревья смыкались кронами над дорогой, почти не пропуская дневной свет, и казалось, что ты въезжаешь не на улицу, а в длинный тёмный коридор.

Когда Илья вышел из машины, воздух ударил в нос запахом сырости и старых листьев — таким густым, что его можно было потрогать. Он на секунду замер, прислушиваясь к тишине. Она была не той уютной тишиной загородного дома, а тяжёлой, плотной, будто здесь давно никто не смеялся и даже не разговаривал.

Дом стоял на небольшом возвышении, как будто хотел быть чуть выше всего остального. С близкого расстояния он выглядел ещё внушительнее: высокие окна смотрели на Илью, словно оценивали, достоин ли он войти. Краска на обшивке местами облупилась, обнажая потемневшее дерево, но в целом дом казался крепким — будто он был готов простоять ещё сто лет, если только кто-то будет о нём заботиться.

— Ну что, впечатляет? — спросила Марина, выходя из своей машины и поправляя пальто.

Илья не ответил сразу. Он медленно обошёл крыльцо, проверяя ступеньки на прочность, заглянул в окно гостиной, где сквозь пыльные стёкла виднелся тёмный силуэт мебели.

— Впечатляет, — наконец признал он, стараясь не выдать

того, как сильно дом его зацепил. — Но я не из тех, кто покупает дома по впечатлению.

Внутри пахло пылью, деревом и чем-то ещё, неуловимым, но неприятным — будто где-то тихо гнил кусок прошлого. Илья ходил по комнатам, отмечая про себя трещины в штукатурке, скрипучие половицы и окна, которые, казалось, смотрели на него, а не наоборот. Он делал вид, что оценивает состояние дома, но на самом деле пытался понять, почему ему так неуютно. Это был не страх, а скорее ощущение, что он здесь лишний, что дом уже занят кем-то другим, и этот кто-то просто ненадолго вышел.

— Ну что, нравится? — снова спросила Марина, стоя в дверях гостиной и держа в руках папку с документами.

Илья кивнул, хотя «нравится» было не тем словом. Это было скорее «не могу пройти мимо». Он чувствовал, что если сейчас уйдёт, то будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь — даже если потом окажется, что дом проклят, населён призраками или просто непригоден для жизни.

— Беру, — сказал он и сам удивился, как легко это прозвучало, будто решение было принято не им, а кем-то другим, кто сидел внутри и просто дождался подходящего момента.

Марина улыбнулась, достала документы и начала объяснять условия сделки, но Илья почти не слушал. Он смотрел на угол комнаты, где тень казалась чуть гуще остальных, будто пыталась собраться в фигуру. Ему вдруг стало холод-

но, хотя в доме было не холодно — просто воздух здесь был каким-то другим, более плотным, будто в нём было больше прошлого и меньше настоящего.

Он подписал документы, стараясь не думать о том, что делает. А когда закончил, почувствовал, как по спине пробежал холодок — будто кто-то стоял у него за плечом и тихо выдохнул ему в ухо.

Илья резко обернулся. В комнате никого не было. Только тень в углу, которая, казалось, чуть шевельнулась, прежде чем снова застыть.

— Всё в порядке? — спросила Марина, заметив его движение.

— Да, — коротко ответил Илья, стараясь, чтобы голос звучал нормально. — Просто сквозняк.

Марина кивнула, будто поверила, хотя в этом доме не было ни одного сквозняка — окна были закрыты, двери плотно прилегали к косякам.

Они вышли на улицу, и Илья на секунду остановился, чтобы ещё раз взглянуть на дом. В этот момент ему показалось, что одно из окон на втором этаже чуть дрогнуло, будто кто-то за ним стоял и смотрел им вслед. Но когда он моргнул, всё стало как прежде: просто старый дом на тихой улице, который ждал своего нового хозяина.

И ждал он не просто так.

Глава 2. Первый шёпот

Первые сутки в новом доме Илья провёл как человек, который боится сделать лишнее движение. Он раскладывал вещи, но делал это механически, будто руки сами знали, куда положить кружку, куда — футболку, а мозг в это время был занят совсем другим: прислушивался.

Дом не спешил раскрывать свои секреты. Он не скрипел без причины, не хлопал дверями, не ронял предметы с полок. Он просто... дышал. Тихо, тяжело, с паузами, как будто между вдохом и выдохом успевало пройти несколько жизней.

Илья включил везде свет — даже в кладовке, где не собирался ничего хранить. Свет должен был быть союзником, щитом, барьером между ним и тем, что пряталось в темноте. Но лампочки вспыхивали с задержкой, будто дом сначала решал: «А достоин ли он света?» — и только потом позволял электричеству пройти по проводам.

Он заварил чай, сел на диван, который привёз с собой, и попытался убедить себя, что всё нормально. Старый дом. Древесина усаживается. Ветер шевелит ветки, и они царапают крышу. В старых домах всегда есть звуки — это физика, а не мистика.

Но физика не объясняет, почему половица в коридоре скрипнула ровно в тот момент, когда он подумал: «Хоть бы

тут не было ничего странного».

Шаги были ритмичными, осторожными, будто кто-то ходил по коридору, стараясь не шуметь, но всё равно выдавая себя. Илья замер, чашка застыла в руке, а внутри всё сжалось в тугой узел.

— Эй! — крикнул он, и собственный голос прозвучал в этом доме как чужеродный элемент, как ошибка в коде. — Если это соседи, или кот, или кто угодно — выходите!

Тишина ответила ему так, будто даже эхо не хотело здесь задерживаться.

А потом он услышал голос.

Это был не крик, не вопль, не зловещее завывание. Это был тихий шёпот, почти неразборчивый, но до боли знакомый.

Илья вскочил, опрокинув чашку. Чай растёкся по полу тёмной лужицей, но он даже не заметил.

Голос произнёс одно слово: «Илья».

Не громко. Не требовательно. Просто констатировал факт, будто проверял, здесь ли он.

Илья обежал комнаты, включая свет, дёргая выключатели так, будто от скорости зависела его жизнь. Лампочки загорались неохотно, одна за другой, как будто дом сопротивлялся, не хотел показывать, что внутри.

В коридоре было пусто. Никого. Только пыль кружилась в свете, и половицы смотрели на него своими старыми, потёртыми глазами.

Когда он вернулся в гостиную, на столе лежала старая фотография. Илья точно знал, что её там не было. Он сам протирал этот стол тряпкой десять минут назад — там лежали только ключи, блокнот и ручка. И ничего больше.

На фото была девочка лет десяти, с косой и серьёзным взглядом. Она стояла на фоне этого самого дома.

И это была его сестра Катя.

Пятнадцать лет назад она погибла. Илья помнил тот день до мельчайших деталей: дождь, скользкий асфальт, машина, которую никто не заметил. Помнил, как кричал, как звал её, как мир стал чёрным и мокрым. Помнил лицо мамы, которое в один миг постарело на двадцать лет.

А на фото Катя улыбалась. Но глаза у неё были такими же серьёзными, как в тот последний день.

Илья сжал фотографию так, что пальцы побелели, а картон чуть хрустнул.

— Этого не может быть, — прошептал он, и голос его дрогнул, как у человека, который вдруг понял, что земля под ногами стала тоньше. — Это какая-то ошибка. Чья-то дурацкая шутка.

И тут шёпот раздался снова. На этот раз он прозвучал прямо у него в голове, будто кто-то стоял так близко, что их дыхание смешивалось:

«Ты не должен был сюда приходить».

Илья отшатнулся, фотография выскользнула из рук и упала на пол лицевой стороной вниз, будто даже она не хотела

больше на него смотреть.

Он схватил телефон, пальцы скользили по экрану, набирая номер, который знал наизусть.

— Алло, Марина? — голос звучал хрипло, будто он только что пробежал марафон. — Слушай, я... Я хочу расторгнуть сделку. Прямо сейчас. Я не могу здесь оставаться.

В трубке повисла пауза — та самая, после которой хорошие новости не начинаются.

— Илья, я понимаю, старый дом, атмосфера... Но документы уже подписаны. И продавец... Ну, ты понимаешь, ситуация сложная. Наследники хотят закрыть вопрос как можно быстрее.

— Да мне плевать на наследников! — рявкнул Илья и тут же пожалел об этом, потому что дом будто прислушался, и тишина стала ещё плотнее, как перед грозой. — Там что-то есть. Я слышал голос. И нашёл фото сестры. Которого там быть не могло.

Ещё одна пауза. На этот раз длиннее.

— Фото сестры? — переспросила Марина, и в её голосе впервые не было той самой профессиональной лёгкости. — А как её звали?

— Катя, — ответил Илья, и от того, что он произнёс это имя в этом доме, по спине пробежал ледяной озноб. — Почему ты спрашиваешь?

— Потому что... — Марина запнулась, будто подбирала слова, которые не должны были звучать в разговоре о недви-

жимости. — Потому что в документах на дом есть упоминание о семье, которая жила здесь в девяностых. У них была дочь... Катя. Пропала без вести.

Илья почувствовал, как пол уходит из-под ног.

— Что значит «пропала»? — прошептал он.

Никто так и не нашёл её. Ни тела, ни следов. Просто исчезла. А через неделю отец повесился в этом доме. С тех пор тут почти никто не жил. Дом... как будто отталкивает людей.

Телефон чуть не выпал из его рук.

— Ты знала об этом и не сказала?! — Крик вырвался сам собой, резкий, горький.

— Я... я не думала, что это важно, — тихо ответила Марина, и теперь в её голосе не было ни утренней лёгкости, ни профессиональной уверенности. — Это была старая история. Архивные заметки. Я не хотела тебя отпугивать.

— Отлично, — процедил Илья, оглядываясь по сторонам, будто стены могли в любой момент сдвинуться и запереть его внутри. — Просто отлично.

Он отключил звонок, положил телефон на стол и замер, прислушиваясь к тишине. Дом больше не притворялся безобидным. Теперь он был похож на хищника, который наконец-то перестал прятаться и просто смотрел, как жертва пытается найти выход.

И тогда Илья понял одну вещь: он не просто купил дом. Он купил чью-то чужую трагедию — и теперь она хотела, чтобы он её прожил.

Глава 3. Тень на стене

Ночь не принесла облегчения. Наоборот, с наступлением темноты дом будто ожил, сбросив маску безразличия. Тени стали гуще, углы — острее, а тишина наполнилась шёпотом, который Илья не мог разобрать, но чувствовал кожей.

Он сидел на диване, завернувшись в плед, и смотрел на стену напротив, где тень от лампы ложилась неровным пятном. И вдруг эта тень шевельнулась.

Не от движения лампы. Не от сквозняка. Просто сама по себе.

Она вытянулась, стала выше, а потом из неё, казалось, проступила фигура — тонкая, сгорбленная, будто человек, который слишком долго стоял в одном положении.

Илья не мог пошевелиться. Он смотрел, как тень отделяется от стены, становится плотнее, обретает очертания. В какой-то момент ему показалось, что он видит профиль — острый нос, впалые щёки, волосы, собранные в тугой пучок.

А потом тень моргнула.

Именно это сломало его. Не движение, не форма, а то, что у тени были глаза — и они смотрели прямо на него.

Илья вскочил, уронив плед, и бросился к выключателю. Свет вспыхнул, и тень рассыпалась, как будто её никогда и не было. На стене осталась только обычная тень от лампы — ровная, скучная, безобидная.

Но Илья знал: она вернётся.

Он достал ноутбук, открыл браузер и начал искать всё, что мог найти об этом доме. Старые газеты, архивы, упоминания в соцсетях. И чем больше он читал, тем холоднее становилось у него внутри.

Оказалось, что дом сменил множество владельцев, но никто не задерживался дольше года. Кто-то уезжал «по семейным обстоятельствам», кто-то говорил, что «не сошлись характерами с районом», а один мужчина написал в отзыве на сайте недвижимости: «Этот дом не хочет, чтобы в нём жили. Он хочет, чтобы о нём помнили».

Были и другие истории: о людях, которые слышали голоса, о вещах, которые перемещались сами по себе, о снах, в которых дом показывал прошлое.

И везде, в каждой истории, мелькало одно имя — Катя.

Кто-то видел её в окне второго этажа. Кто-то слышал, как она зовёт кого-то по имени. Один человек утверждал, что она просила его уйти и никогда не возвращаться.

Илья закрыл ноутбук, откинулся на спинку дивана и посмотрел на потолок, будто там могла быть подсказка.

— Чего ты хочешь? — прошептал он в тишину, и дом ответил ему тихим скрипом, будто кто-то наверху медленно переступил с ноги на ногу.

Теперь он понимал: нельзя просто сбежать. Дом не отпустит. Ему нужно что-то взамен. И, возможно, этим «чем-то» был сам Илья.

Глава 4. Сосед с фонариком и папка с пометкой «Не трогать»

Илья не спал третью ночь подряд. Он уже перестал пытаться убедить себя, что это просто старый дом и усадка древесины. Дом больше не маскировался под безобидную развалину — он демонстрировал характер.

То чашка сама съезжала на край стола и падала, разбиваясь в тишине так звонко, будто это был сигнал. То в коридоре мелькала тень, которая не могла принадлежать человеку: слишком длинная, слишком изогнутая. А однажды Илья проснулся от ощущения, что на него кто-то смотрит. Он резко сел на диване — и увидел в дверном проёме силуэт. Нечёткий, будто сотканный из тумана и пыли. Силуэт постоял секунду, а потом медленно растаял, оставив после себя запах сырости и чего-то старого, как будто из давно закрытого шкафа.

Утром Илья стоял у окна и смотрел на улицу, которая теперь казалась ему чужой. И тут дверь соседнего дома приоткрылась, и оттуда вышел старик в тёплом пальто, несмотря на то, что день был не по-осеннему тёплый. В руке он держал фонарик, хотя солнце уже всю светило.

Старик заметил Илью, кивнул, будто они были знакомы годами, и пошёл по тропинке, подсвечивая фонариком себе

под ноги, словно боялся наступить на что-то невидимое.

Илья вдруг понял, что если он сейчас не выйдет и не заговорит с этим человеком, то сойдёт с ума от собственных мыслей. Он накинул куртку, вышел на крыльцо и крикнул:

— Эй! Подождите!

Старик остановился, медленно повернулся. Лицо у него было морщинистое, но глаза — острые, внимательные, будто он привык замечать то, чего другие не видят.

— Чего надо? — спросил он без враждебности, скорее по привычке быть настороже.

— Я... я тут недавно поселился, — запнулся Илья. — В этом доме. И... мне кажется, тут что-то не так.

Старик хмыкнул, опустил фонарик, но не выключил его.

— «Не так» — это мягко сказано. Этот дом как больной зуб: пока не дёрнешь — терпишь, а когда дёрнешь, понимаешь, что надо было бежать ещё вчера.

— Вы что-то знаете про него? — Илья шагнул ближе, будто боялся, что старик сейчас развернётся и уйдёт, унося с собой единственный шанс на объяснение.

— Знаю ровно столько, чтобы держаться от него подальше, — пробурчал сосед. — Но раз уж ты сам туда влез... Слушай. У старого хозяина была папка. Толстая, потрёпанная, на обложке выцветшими чернилами было написано: «Не трогать». Он её хранил в подвале, в нише за фальшивой панелью. Говорил, что там всё: кто жил, кто пропал, кто сошёл с ума. И ещё... Он говорил, что дом не просто помнит.

Дом собирает.

— Собирает что? — переспросил Илья, хотя уже догадывался, что ответ ему не понравится.

— Эмоции. Страхи. Трагедии. Он их копит, а потом возвращает порциями, чтобы не было скучно.

Илья сглотнул.

— А про девочку... Катю... вы слышали?

Старик помолчал, посмотрел куда-то мимо Ильи, будто видел не дом, а то, что пряталось за ним.

— Слышал. Все слышали. Она не первая, кто исчез в этих стенах. Просто её история громче других. Если хочешь что-то узнать — ищи папку. Но знай: когда откроешь её, назад дороги не будет. Дом поймёт, что ты всерьёз взялся за дело. И тогда он перестанет играть в прятки.

С этими словами старик развернулся и пошёл к своему дому, не оглядываясь. Фонарик в его руке мигнул и погас, хотя день был светлым.

Глава 5. Папка

Илья спустился в подвал, стараясь не думать о том, как темно и тихо там, будто весь дом затаил дыхание, наблюдая за ним. Подвал был низким, с балками, которые нависали над головой, и запахом сырой земли, смешанным с чем-то металлическим, как будто где-то капала старая вода по ржавому железу.

Он нашёл нишу почти сразу — старая доска отличалась по цвету, и щель между ней и стеной была чуть шире остальных. Илья потянул за край, доска поддалась с противным скрипом, обнажив небольшую полость. Внутри лежала папка.

Она выглядела так, будто её держали в руках тысячи раз: потрёпанные края, выцветшая обложка, застёжка, которая едва держалась. На обложке действительно виднелись полустёртые буквы: «Не трогать».

Илья замер на секунду, рука зависла над папкой. «Назад дороги не будет», — прозвучали в голове слова соседа. Но он уже не мог остановиться. Он вытащил папку, сел прямо на холодный пол и открыл её.

Внутри были вырезки из старых газет, пожелтевшие фотографии, списки жильцов и короткие заметки, написанные дрожащей рукой. Илья быстро пробежал глазами по строчкам.

В 1993 году в доме пропала девочка Катя — дочь семьи,

которая жила здесь. Через неделю её отец покончил с собой в этой же комнате. Дальше шли упоминания о других странных случаях: о женщине, которая утверждала, что видит в зеркале лица людей, которых никогда не знала; о мужчине, который каждую ночь слышал шаги над своей кроватью; о семье, которая сбежала посреди ночи, оставив всё, даже документы.

На одной из фотографий Илья увидел ту самую девочку — Катю. На другой — группу людей, стоящих у дома. Среди них был мужчина с жёстким взглядом, в пальто, которое выглядело слишком тяжёлым для лета. На обороте кто-то написал карандашом: «Комитет по аномальным явлениям. 1987».

Илья перевернул страницу — и вдруг почувствовал, как воздух в подвале стал тяжелее, будто кто-то невидимый сел рядом с ним и наклонился к его плечу.

А потом страница сама собой перевернулась.

Он вздрогнул, отшатнулся, но папка осталась у него в руках. На новой странице был рисунок — грубый, сделанный, похоже, ребёнком. На нём был изображён дом, а вокруг него — тонкие линии, похожие на паутину. В центре паутины была маленькая фигурка с подписью: «Я здесь».

И в этот момент Илья услышал шёпот — не в голове, а прямо над ухом, так близко, что волосы на затылке встали дыбом:

«Ты читаешь чужие секреты».

Он вскочил, папка упала на пол, бумаги рассыпались по

бетонному полу. Илья бросился вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и вылетел в коридор, тяжело дыша.

Дом встретил его тишиной, но это была уже не пустая тишина. Это была тишина, наполненная ожиданием.

Глава 6. Медиум и цена вопроса

Илья не знал, к кому обращаться. Полиция? Они спросят, есть ли доказательства, а у него только папка, шёпоты и ощущение, что дом дышит ему в затылок. Друзья? Они решат, что он сошёл с ума.

Тогда он вспомнил слова соседки из магазина, с которой перекинулся парой фраз неделю назад: «Если тебе нужны ответы, а не бумажки, сходи к Лидии. Она видит то, что другие не замечают».

Лидия жила на другом конце города, в маленькой квартире, заставленной свечами, книгами и странными предметами, которые Илья не мог опознать. Когда она открыла дверь, он сразу понял: она знала, зачем он пришёл.

— Ты из того дома на Лесной, — сказала она, не спрашивая, а констатируя факт. — Я чувствовала, что оттуда придёт человек. Дом иногда кричит, просто не все слышат.

Илья кивнул, не в силах выдавить ни слова.

— Садись, — она указала на стул. — И расскажи всё. С самого начала.

Он рассказал про шёпоты, про фото, про папку, про тень, которая моргнула. Лидия слушала, не перебивая, только время от времени кивала, будто сверяла его слова с какой-то внутренней картой.

Когда он закончил, она встала, подошла к полке и доста-

ла небольшую шкатулку. Открыла её, достала горсть сухих трав и зажгла их. Дым поднялся тонкой струйкой, и вдруг в комнате стало как будто темнее, хотя солнце всё ещё светило за окном.

— Дом не просто старый, — сказала Лидия, глядя на дым.
— Он — узел. Место, где пересекаются разные времена, разные трагедии. Он питается страхом и виной. А ты... ты принёс с собой и то, и другое. Твоя сестра... Её смерть оставила в тебе дыру, и дом эту дыру нашёл.

Илья почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Что мне делать? — прошептал он.

— Чтобы разорвать связь, нужно закрыть историю. Найти, что дом хочет сказать про Катю. Возможно, она не исчезла. Возможно, дом её удерживает. И пока её история не будет рассказана, дом непустит ни её, ни тебя.

— Но как? — голос Ильи дрожал.

— Тебе придётся вернуться туда. И на этот раз не прятаться от тьмы. Ты должен пойти туда, где страшнее всего. И ты должен быть готов услышать то, что не хочешь слышать.

Глава 7. Чердак, где время ходит по кругу

Лидия приехала к дому на Лесной на рассвете. Илья стоял на крыльце, сжимая в руке папку, будто она могла служить ему щитом. Дом в утреннем свете казался почти обычным: серые доски, облупившаяся краска, старые окна. Но Илья знал: это маска. Под ней дом был совсем другим.

— Ты готов? — спросила Лидия, не поднимая глаз на дом, а глядя прямо на Илью. В её взгляде не было ни жалости, ни страха — только спокойная твёрдость человека, который много раз ходил по краю и знал, как не сорваться.

— Нет, — честно ответил Илья. — Но, если я ещё хоть одну ночь просижу, прислушиваясь к тишине, я просто сломаюсь.

Лидия кивнула, будто это и был самый правильный ответ.

— Тогда не будем тянуть. Возьми это. — Она протянула ему маленький мешочек из грубой ткани. — Там смесь трав. Если почувствуешь, что тьма становится слишком плотной — рассыпь щепотку. Это не спасёт, но даст тебе пару секунд, чтобы сделать шаг назад.

Илья сунул мешочек в карман. Металл ключа от чердака холодил пальцы.

Они вошли в дом. С порога Илья почувствовал, как воз-

дух стал тяжелее, будто дом узнал, что к нему пришли не просто спрятаться, а искать правду. В коридоре тень на стене шевельнулась, но не приняла форму — просто стала гуще, как капля чернил в воде.

— Он знает, что мы здесь, — тихо сказала Лидия, будто читала мысли дома, а не Ильи. — Не бойся этого знания. Бойся того, что он захочет с ним сделать.

Лестница на чердак была узкой и скрипучей. Каждый шаг отдавался в груди, как удар гонга. На площадке перед люком Илья остановился, рука замерла над ржавым замком.

— Готов? — переспросила Лидия.

Он кивнул, щёлкнул замком, потянул люк вверх.

Чердак встретил их пылью, которая взметнулась в полосе света, и запахом старого дерева, смешанным с чем-то кислым, будто здесь когда-то пролилось что-то, что так и не смогли отмыть. Пространство было низким, балки нависали, как рёбра огромного зверя.

И сразу стало ясно: здесь кто-то был. Не просто жил когда-то — а работал.

В центре чердака стоял складной стол, покрытый толстым слоем пыли, но на нём виднелись чёткие прямоугольники — следы от папок или коробок, которые убрали недавно. Рядом валялся сломанный стул. А вдоль стены тянулись полки, уставленные жестяными коробками с выцветшими наклейками. На одной из них Илья разглядел штамп: «Комитет по аномальным явлениям. Гриф: строго конфиденциально».

— Комитет... — прошептал Илья, подходя ближе. Он потянулся к коробке, но Лидия схватила его за руку.

— Не трогай голыми руками. Некоторые вещи хранят не только информацию. Они хранят намерение.

Она достала из сумки тонкие перчатки и протянула ему. Илья натянул их, пальцы казались чужими, неуклюжими. Он открыл одну из коробок. Внутри лежали блокноты с плотными страницами, катушки с плёнкой, фотографии в прозрачных конвертах. На обложке одного из блокнотов было выведено аккуратным почерком: «Объект Лесная, 12. Фаза наблюдения: фиксация аномальных проявлений».

Илья открыл блокнот. Страницы были исписаны мелким, почти неразборчивым почерком. Фрагменты фраз врезались в сознание, как осколки: «Акустические феномены локализованы в зоне перекрытия несущих балок», «Субъект слышит голос близкого умершего — корреляция с уровнем личной вины», «Пространственные аномалии: смещение восприятия времени в пределах 3–7 минут».

— Они знали, что дом питается виной и страхом, — проговорила Лидия, глядя на записи. — И пытались это измерить. Как будто можно измерить тьму линейкой.

Илья перевернул страницу — и вдруг почувствовал, как холод поднимается по спине, не снаружи, а изнутри, будто кто-то высасывал тепло прямо из костей.

На следующей странице был рисунок, сделанный, похоже, от руки: схема дома, поверх которой были нанесены линии,

расходящиеся от центра, как трещины на льду. В центре стояла пометка: «Ядро: комната 2Б. Источник активности».

— Комната 2Б... — Илья нахмурился. — Это спальня на втором этаже. Та, где я слышал шаги.

Не успел он договорить, как на чердаке потемнело. Свет, пробивавшийся сквозь слуховые окна, стал тусклым, будто небо затянуло тяжёлыми тучами за секунду. Пыль в воздухе замерла, повисла неподвижными клубами.

А потом раздался звук. Не скрип, не шорох — а тихий, ровный гул, похожий на дыхание огромного существа, которое наконец-то проснулось.

— Он не хочет, чтобы мы знали больше, — сказала Лидия, голос её звучал спокойно, но Илья видел, как напряжены её плечи. — Он будет мешать.

Словно в ответ на её слова, одна из коробок с грохотом упала с полки. Крышка отскочила, и из неё посыпались фотографии. Илья наклонился, чтобы поднять их, и замер.

На одной из фотографий была Катя. Не та девочка с косыми бантами, которую он помнил по старым снимкам, а чуть старше, в платье, которого он никогда не видел. Она стояла у окна, и в её глазах было такое выражение, будто она знала что-то, чего не должен знать ребёнок. На обороте кто-то написал: «Субъект К. Реакция на активацию ядра: фиксация образа».

— Они её изучали, — прошептал Илья, чувствуя, как внутри всё сжимается от гнева и ужаса. — Они знали, что с

ней происходит, и всё равно...

Договорить он не успел. Чердак вдруг качнулся, как палуба корабля в шторм. Балки закрипели, пол под ногами пошёл волнами. И в этот момент из темноты у дальней стены раздался голос — не шёпот, а настоящий, человеческий голос, но искажённый, будто его пропустили через старый магнитофон:

— Уходите. Здесь нечего искать.

Илья обернулся. В углу стояла фигура. Не тень, не силуэт — а человек в длинном пальто, с лицом, которое невозможно было разглядеть из-за темноты, сгустившейся вокруг него, как кокон.

— Кто вы? — крикнул Илья, хотя знал, что спрашивать бесполезно.

Фигура не ответила. Вместо этого она медленно подняла руку и указала на люк.

— Уходите, — повторил голос, и на этот раз в нём прозвучало не предупреждение, а приказ.

Лидия шагнула вперёд, заслоняя Илью, и достала из кармана маленький кристалл на шнурке. Она подняла его, и в тусклом свете чердака он слабо засветился, как крошечная звезда.

— Мы не уйдём, пока не узнаем правду, — сказала она твёрдо, и в её голосе не было страха — только решимость. — Ты можешь пугать, можешь ломать доски и двигать коробки, но ты не можешь заставить нас не видеть.

Фигура в пальто замерла. На секунду показалось, что тьма вокруг неё дрогнула, как ткань, которую резко дёрнули. А потом она начала рассыпаться — не исчезать, а распадаться на мелкие частицы, похожие на пепел, который подхватил невидимый ветер.

Но прежде, чем она исчезла окончательно, Илья успел заметить: на груди у фигуры был значок. Маленький, металлический. Комитет по аномальным явлениям.

Когда тьма рассеялась, на полу осталась только тонкая цепочка следов, ведущих к стене. И в том месте, где стена казалась сплошной, вдруг проявился контур двери — не обычной, а низкой, почти потайной, с ржавой ручкой.

— Что это? — прошептал Илья.

— То, что они хотели спрятать, — ответила Лидия, глядя на дверь с тревогой, какой Илья у неё ещё не видел. — Потайная комната. Если Комитет что-то прятал здесь, значит, это самое опасное место в доме.

Илья подошёл к двери, положил ладонь на холодную ручку. Металл отозвался лёгким покалыванием, будто по нему пробежал слабый электрический разряд.

— Если мы откроем её, обратного пути не будет, — предупредила Лидия.

Илья посмотрел на неё, потом на фотографии в своей руке, на схему дома, на следы, ведущие в темноту.

— Обратного пути не было с того момента, как я подписал документы, — тихо сказал он. — Я должен узнать, что

случилось с Катей. Даже если правда окажется страшнее самого дома.

Он повернул ручку. Дверь со скрипом открылась, впуская из комнаты волну ледяного воздуха. Внутри было темно, но в этой темноте Илья разглядел очертания чего-то большого и неподвижного. И ещё — он услышал тихий, едва уловимый шёпот:

«Наконец-то ты пришёл».

Глава 8. Комната, которая помнит всё

Ледяной воздух ударил в лицо, как пощёчина. Илья шагнул через порог, и первое, что он почувствовал, — пол. Он был не деревянный, как везде в доме, а каменный. Гладкий, мокрый, ледяной, будто кто-то положил на него плиту из старого могильного камня.

— Подожди, — сказала Лидия, но Илья уже был внутри.

Он обернулся, чтобы ответить, и увидел, как дверь за его спиной закрывается. Медленно, неотвратно, как пасть, которая смыкается. Лидия бросилась вперёд, но дверь захлопнулась с таким звуком, будто кость переломили пополам. Раздался щелчок замка — старого, ржавого, но надёжного, как приговор.

— Илья! — голос Лидии донёсся сквозь доски приглушённо, будто из другого времени. — Илья, слышишь меня?

Он бросился к двери, дёрнул ручку. Та не поддавалась. Он ударил в дверь плечом — раз, другой, третий. Доски даже не скрипнули, будто стали твёрже камня.

— Лидия! — крикнул он, и голос его отразился от стен, но не так, как должен был. Эхо вернулось с задержкой, на секунду позже, чем следовало, и в нём слышался другой тембр — ниже, темнее, будто кто-то повторял его слова своим го-

лосом.

— Не трать силы, — сказала Лидия сквозь дверь, и в её голосе впервые прозвучала нотка бессилия. — Это не обычный замок. Дом тебя задержал. Он не выпустит, пока ты не дашь ему то, что он хочет.

— А что он хочет?! — Илья ударил кулаком по двери, костяшки обожгло болью.

— Правду. Он хочет, чтобы ты признал то, что прячешь от самого себя. Это единственный ключ.

Илья прижался лбом к холодной двери. Сердце колотилось так, что он чувствовал его удары в горле, в висках, в кончиках пальцев.

А потом свет погас.

Не так, как гаснет свет, когда выключают лампу. Он исчез целиком, будто его никогда не было. Темнота была абсолютной, плотной, осязаемой. Илья поднял руку к лицу — и не увидел пальцев. Он ничего не видел. Только чувствовал, как темнота обволакивает его, касается кожи, заползает под одежду, словно живое существо, которое хочет забраться внутрь.

И тогда комната начала меняться.

Илья не видел этого, но чувствовал. Стены будто раздвинулись, потолок поднялся, пол стал неровным, бугристым. Запахи тоже изменились: сырой камень уступил место запаху мокрого асфальта. Дороги. Дороги под дождём.

И он понял, где находится.

Глава 9. Тот день

Звук капель стал оглушительным. Илья стоял на дороге, мокрой, блестящей в свете фонарей, которые вдруг появились в темноте, как призраки, оставшиеся от чужой ночи. Он знал это место. Он знал этот поворот. Он знал каждую трещину в асфальте, каждый комок грязи у обочины.

Это была та самая дорога. Тот самый поворот. Тот самый вечер пятнадцатилетней давности, когда мир Ильи рассыпался на куски.

— Нет, — прошептал он. — Нет, нет, нет. Я не хочу сюда. Не надо.

Но комната не слушала. Она показывала.

Впереди, в свете фонарей, стояла фигурка. Маленькая, в жёлтой куртке. Косы не было видно — она пряталась под капюшоном. Девочка стояла на обочине и смотрела на дорогу, будто ждала кого-то.

Катя.

Илья рванулся к ней, но ноги не слушались. Он бежал, но не двигался с места, как в кошмаре, когда тело становится тяжёлым, как свинец, а земля держит крепче любых цепей.

— Катя! — крикнул он, и голос прозвучал так, как тогда, пятнадцать лет назад: отчаянно, хрипло. — Катя, стой! Не переходи!

Девочка обернулась. Лицо было точно таким, как в его

памяти: бледное, серьёзное, с каплями дождя на ресницах. Она посмотрела на него — и улыбнулась. Не той улыбкой с фотографии в доме, а другой: грустной, понимающей, будто она знала то, чего не знал он.

А потом она шагнула на дорогу.

— Нет! — Илья закричал так, что горло обожгло, будто он глотнул кипятка. — Катя!

Фары. Свет. Удар. Тишина.

Тишина была страшнее крика. Она была такой плотной, что Илья не слышал собственного дыхания, собственного сердцебиения. Только тишина, в которой растворился последний звук, который издала его сестра.

Потом картинка сменилась.

Теперь Илья стоял в комнате, но не в той, в которую вошёл. Это была детская. Стены оклеены обоями с цветами, на полке стояли куклы, на подоконнике лежал раскрытый учебник. Всё было знакомое, чужое и знакомое одновременно, как сон, который ты видишь не в первый раз, но каждый раз забываешь.

На кровати сидел мальчик. Лет двенадцати. Худой, с тёмными волосами и испуганными глазами. Илья узнал себя. Себя из прошлого.

Мальчик-Илья сидел на кровати и слушал. За стеной, в соседней комнате, говорили родители. Мать плакала. Отец молчал. Потом раздался голос отца, ровный, усталый, как голос человека, который уже не умеет удивляться:

— Он был там. Он был рядом. Почему он не остановил её?

Мальчик-Илья вжался в стену. Его глаза были широко открыты, в них стояли слёзы, которые он не решался пустить. Он слышал каждое слово. И каждое слово вбивалось в него, как гвоздь.

Илья-взрослый стоял рядом и смотрел на себя-мальчика, и внутри всё рвалось от боли, потому что он помнил этот вечер. Помнил, как сидел на кровати и повторял про себя одну фразу, снова и снова, как мантру, как молитву, как приговор: «Я мог. Я мог. Я мог остановить её».

— Это не твоя вина, — прошептал взрослый Илья мальчику, но тот не слышал. Он был заперт в своём прошлом, как Илья был заперт в этой комнате.

А потом голос зазвучал снова. Не голос отца, не голос матери, а голос дома. Глубокий, протяжный, исходящий отовсюду — от стен, от пола, от воздуха:

«Ты винил себя пятнадцать лет. Я чувствовал эту вину с первого дня, как ты вошёл. Она — ключ, который открывает все двери в этом доме. Каждая семья, которая здесь жила, приносила свою вину. И каждая вина становилась частью меня».

Илья закрыл глаза. Слёзы потекли по щекам, горячие, непрошенные.

— Хватит, — прошептал он. — Хватит.

«Ты пришёл сюда не за правдой о Кате. Ты пришёл сюда, потому что чувствуешь вину. И вина привела те-

**бя именно в этот дом. Я не выбирал тебя. Ты выбрал
меня».**

Глава 10. Загадка

Темнота отступила на полшага. Не ушла, а отступила, дав Илье пространство, в котором он мог дышать. Комната вернулась — каменный пол, стены, потолок, — но теперь посередине стоял стул. На стуле лежал предмет.

Илья подошёл ближе. Это был конверт. Старый, пожелтевший, с ржавыми следами от скрепки. На конверте было написано его имя. Не «Илья Воронов», а просто «Илья». Тем же почерком, каким были сделаны записи в папке Комитета.

Он открыл конверт. Внутри был листок. На нём — всего три строчки, написанные аккуратным, почти каллиграфическим почерком:

Чтобы выйти, ответь: чего ты боялся больше — что Катя погибла, или что это твоя вина?

Илья перечитал вопрос трижды. Каждое чтение било в одно и то же место — туда, где жила вина, которую он носил в себе пятнадцать лет, как камень в кармане.

Он сел на стул, потому что ноги перестали держать.

Сначала ему хотелось разорвать листок, закричать, ударить в стену. Ответ казался очевидным: конечно, он боялся, что это его вина. Что он мог остановить её. Что если бы он не отвлёкся, не замешкался, не опоздал на одну секунду, Катя была бы жива.

Но что-то в этой простоте казалось неправильным. Дом

не задавал простых вопросов. Дом копал глубже, чем Илья копал сам себя все эти годы.

И тогда он подумал: а что, если ответ другой?

Что, если он боялся не того, что виноват, а того, что нет? Что Катя погибла случайно, бессмысленно, и никто не виноват? Что мир просто жесток, и иногда дети гибнут под колёсами машин не потому, что кто-то не остановил их, а потому, что так случилось?

И эта мысль была страшнее вины. Потому что вина давала ему иллюзию контроля: если я виноват, значит, я мог что-то изменить, значит, мир подчиняется логике, значит, смерть сестры не была случайной. Но если он не виноват — значит, всё было бессмысленным, и он пятнадцать лет носил камень, который вообще не должен был нести.

Комната затряслась. Стены закрипели, будто дом пытался помешать ему думать в этом направлении. Темнота стала гуще, плотнее, она давила на плечи, на грудь, на голову, пытаясь загнать его обратно в привычную колею вины.

Но Илья уже понял. Он встал, сжал листок в руке и сказал вслух, голосом, который дрожал, но не ломался:

— Я боялся, что это не моя вина. Потому что если я не виноват, то смерть Кати не имела смысла. А жить в мире, где гибель ребёнка не имеет смысла, — страшнее, чем винить себя.

Темнота вздрогнула. Не отступила, а именно вздрогнула, будто к ней прикоснулись чем-то, чего она не ожидала. Сте-

ны закрипели громче, пол заходил ходуном, с потолка посыпалась пыль.

И тогда раздался щелчок. Тихий, точный, как выстрел в тишине. Замок за спиной Ильи открылся.

Дверь распахнулась, и в проём хлынул свет — тусклый, серый, но после абсолютной темноты казавшийся ослепительным. Илья бросился к выходу, не оглядываясь, потому что знал: если оглянется, то увидит что-то, что заставит его остаться.

Он вылетел на чердак, где его ждала Лидия. Она сидела на полу, бледная, с тёмными кругами под глазами, как будто за те минуты, что он провёл в комнате, она постарела на годы.

— Ты справился, — сказала она, и голос её звучал так, будто каждое слово давалось с трудом. — Но дом это запомнил. И в следующий раз он будет готов.

Илья упал на колени, тяжело дыша. Руки тряслись. В ладони всё ещё был зажат листок с вопросом, но, когда он разжал пальцы, бумага рассыпалась в труху, будто время, которое она удерживала, наконец-то вышло.

— Что было внутри? — тихо спросила Лидия.

Илья помолчал. Потом посмотрел на неё и сказал:

— Он показал мне тот день. День гибели Кати. И спросил, чего я боюсь больше — вины или её отсутствия.

— И что ты ответил?

— Что боюсь отсутствия смысла. Что боюсь, что никто не виноват, и смерть Кати была просто случайностью.

Лидия долго молчала. Потом кивнула.

— Это правильный ответ. Но опасный. Теперь дом знает, что ты видишь правду. И он попытается закрыть тебе глаза.

Глава 11. Зеркала

Они спустились с чердака. Дом встретил их тишиной, но это была уже не тишина ожидания, а тишина ненависти. Илья чувствовал её кожей: стены будто сузились, потолок опустился, воздух стал густым и колючим, как будто каждая молекула была заряжена злобой.

— Нужно уходить, — сказала Лидия, быстро собирая вещи. — Сегодня дом не тронет, ты победил. Но завтра он начнёт мстить.

Они спустились на первый этаж. И тут Илья остановился. В коридоре стояло зеркало. Старое, в тяжёлой раме, потемневшей от времени. Илья видел его раньше, но не придавал значения. Теперь же он не мог оторвать взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.